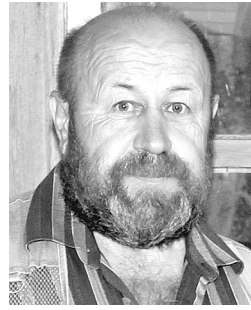

Юрий
Манаков

КАПУСТИН ЯР И ПРОЧАЯ ПУСТЫНЯ

1

Вагон дёрнуло, эмалированные кружки и алюминиевые ложки, выставленные на откидной столик, загремели, однако движение состава выровнялось, и посуда угомонилась. За окном проплыли окрашенные в светло-жёлтый цвет пакгаузы с высокими двустворчатými дверями под навесом и бетонными эстакадами перед ними, пыльные пирамидальные тополя, кирпичная будка со стрелочником на крыльчке. Пожилой казах держал в вытянутой руке флажок и равнодушно смотрел из-под козырька железнодорожной фуражки на проезжающие мимо два зелёных пассажирских вагона и прицепленные к ним зачехлённые платформы с закреплёнными боевыми, хозяйственными автомобилями и восьмиколёсными тягачами «Ураганами» с трёхступенчатými оперативно-тактическими ракетами наверху. Но то, что это именно установки с боевыми ракетами, стрелочник и в бинокль бы не рассмотрел: так они были оконтурены специальными железными стояками и замаскированы растянутой тёмно-зелёной пятнистой сетью.

Показались вдаль и тут же скрылись за сопкой уходящие террасами в гору однотипно-панельные пятиэтажки Сары-Озекского ДОСа (домов офицерского состава). Поехали. Впереди полтора месяца дорожных и воинских приключений, а это несравнимо лучше, чем почти каждодневные наряды то на кухню, то в караул, монотонная муштра на плацу и сидение среди наглядных пособий в учебных классах и Красном уголке на нудных политзанятиях.

Серёжа встал с мягкой, обитой светлым дерматином скамьи и прошёлся по вагону. Все купе гражданского плацкартного были заняты сослуживцами, включая и третьи, багажные полки. Командир сводного, едущего на стрельбы дивизиона начальник политотдела их ракетной бригады полковник Дубов с офицерами, которых солдаты меж собой называли «кадетами», располагались в соседнем вагоне. Какого разряда: купейный или плацкартный, был тот вагон, Сергей не ведал.

Парень уже дослуживал первой год, должность и звание имел сержантские – начальник радиостанции, тогда как в наряды в офицерский вагон направлялись, как правило, рядовые и ефрейторы – бойцы нынешнего майского призыва. Серёжа даже не интересовался, как там устроились их кадеты. Меньше знаешь – крепче спишь. Поговорка хоть и бородатая, но жизненная, особенно для служивых. Это

подтверждала и строевая песня, которую они горланили еще в карантине, маршируя на плацу перед отбоем:

Как устроена ракета –
Знать не надо нам про это,
И про то, как та ракета заправляется.
Это дело нам привычно,
Это дело на «отлично»
Знают все, кому по службе полагается...

И дальше шёл припев:

Мы ракетные войска.
Нам любая цель близка...

Правда, Серёжа однажды, когда был не в духе, вторую строчку исправил для себя и теперь распевал:

Мы ракетные войска.
Здесь служить одна тоска!

В общем хоре и гуле никто бы и не разобрал этих слов. Однако зря он так полагал. Сосед по шеренге Валерка Курносов из Подмосковья однажды после команды «разойдись» догнал его у входа в казарму и шутливо обратился:

– Спишешь слова, Завьялов?

– Какие? – не понял Серёжа.

– А те, что про службу и тоску?

– Я бы списал, да сержант услышит – обоим не поздоровится! А одному, так ничего!

– А давай завтра испытаем? Врубится, не врубится?

– Можно...

Так до конца карантин, пока их не разбросали по разным дивизионам, парни и подшучивали над строевой песней. Больше того, до времени, когда Серёжу назначили на сержантскую должность, и он по уставу внутренней службы стал стоять с остальными командирами отделений в первой шеренге их батареи, он иногда позволял себе, находясь в середине строя, на утреннем разводе на приветствие командира дивизиона «Здравствуйте, товарищи бойцы!» задорно отвечать «Знать не желаю, товарищ майор!» Этот крик сливался с общим «Здравия желаем, товарищ майор!»

Озорство это было больше для себя, для сохранения хоть какого-то своего пространства, тогда как в армии, казалось бы, всё предусмотрено, продумано до мелочей, чтобы стереть тебя как индивидуальность, сделать винтиком в этом гигантском и сложном механизме, в котором всё согласовано, строго подчинено приказу и нацелено на одну только победу.

Серёжа прошёл в передний конец вагона и остановился у широкого окна перед титаном из нержавеющей стали и с медным краном сбоку внизу. Занавесок на окне не было, и обзор поэтому отрывался любопытный.

Выгоревшие на азиатском солнце сопки цвета хаки, пологие и однообразные, как армейские будни, как-то неожиданно оборвались. Состав выехал на равнину, синей скобой на которой поблескивало вдали то ли море, то ли озеро.

– Капчагай, – услышал из-за спины Серёжа. Обернулся. Рядовой Туяков, наводчик из пятой батареи набирал из титана в кружку кипятка. – Бежала речка, перегородили – получилось озеро...

– А я знаю.

– Откуда? Ты ж, товарищ сержант, сам говоришь: с Сибири, – с ноткой превосходства аборигена к чужаку отозвался Туяков. – Это я – местный. Наш Уш-Тобе вон за той сопкой. До армии мы сюда приезжали коней купать.

– Ты не поверишь, но и я здесь бывал. Нынче в мае. Искупнуться тоже довелось, и не раз.

Туяков набрал кипятка и ушёл, а Серёжа замер у окошка, вспоминая...

2

В канун Дня Победы по дороге с технической территории в расположение части промочил рядовой Завьялов свои кирзовые сапоги, когда на колонну стеной обрушился внезапный ливень; Серёжу так окатило прохладными струями, что гимнастёрка вмиг прилипла к телу, в сапогах захлопало, а портянки хоть выжимай. Оно бы ничего – освежились, да вот только Серёжа с шестнадцати лет настолько подружился с ангиной, что она сама никогда не отступала, сколько ни пей чай с малиновым вареньем или водки с перцем. Приходилось тащиться в местную амбулаторию, где доктора медицинскими блестящими ножницами с острыми загнутыми концами бесцеремонно лезли в глотку парня и, протыкая, вскрывали иначе никак не рассасывающуюся опухоль в левой миндалине. Серёжа при этом испытывал не только боль, но и несказанное облегчение, когда чувствовал, как из прорванной раны в глотку стекает что-то горячее, кислое и густое, а опухоль сдувается, как проколотый мячик. На полгода, а то и больше парень забывал об удушливых тисках, что не давали ни вздохнуть, ни выдохнуть, пока опять эта болячка не наваливалась с новой силой. Надо было что-то делать, но всё руки не доходили.

На удивление, за самые сырые ноябрьские и промозглые зимние первые месяцы службы Завьялов ни разу даже не чихнул, наверное, от того, что старался обходить лужи и не мочить ноги, да и весь молодой организм его как никогда был собран и внимателен ко всяким изменениям и неожиданностям. Однако только окрепло весеннее солнышко, подсохли пески и солончаки, душа и тело бойца пригрелись, расслабились, вот здесь-то и пропустил Серёжа увесистую оплеуху от своей застарелой болячки: наутро после ливня ему так обметало горло, так распухли железы, что губ не раздвинуть и рта не раскрыть. Ходил как в тумане, пошатывался, но не жаловался. Да и кому пожаловаться? Стоит заикнуться, как деды и подстарки дружно ополчатся, начнут подкалывать: «Ты что, самый борзый из призыва? Смотри вон – другие, как положено, пашут, не скулят, а ты чуть что – лазейку ищешь, салабон. Хватит прикидываться шлангом, упал на полы...»

Хотя в их дивизионе кромешной дедовщины и не отмечалось, однако дистанция между призывами соблюдалась неукоснительно. Молодые больше «пахали» в нарядах по столовой, убирали казарму и делали всё прочее, пусть и не бегом, но поторапливаясь... Трудились и осваивали «тяготы и лишения воинской службы» не покладая рук, да так, что нельзя было даже перед отбоем выкроить минутки подшить свежий воротничок на гимнастёрку. Подшивались

ночью. Первым вставал тот, чья очередь всех будить, бесшумно ступал по «кубрику» между двухъярусных железных коек, поднимал свой призыв, и все они гуськом отправлялись в гладилку, где при свете ночника обновляли свои подворотнички.

Серёже оставалось продеть иголку с белой ниткой в тыльную часть воротника гимнастёрки, чтобы там завязать на узелок и, просунув между трудно размыкаемыми зубами нитку, обкусить её, когда в гладилку вошёл старший сержант Сундетов. На правом рукаве у вошедшего висела повязка дежурного по дивизиону.

– Ну что, бойцы, до подъёма управитесь?

– Так точно, товарищ старший сержант!

Молодые переглянулись. Они знали, что это последний наряд Сундетова перед скорым дембелем. А еще они слышали, что старший сержант, хоть и казах, но призван был не из этой советской республики. Родом Сундетов из российской Оренбургской области. И что характер у него упрямый, особенный. Старо-служачие рассказывали, что когда он из Отарской учебки приехал в дивизион, тогдашние деды и подстарки хотели сломить его непокорный нрав. Гноили в нарядах, не давали спать; если никого из офицеров не было поблизости, норовили побольнее достать по животу и почкам, чтобы не оставлять синяков на лице. Но молодой младший сержант не покорился.

Мало того, когда настал срок и обидчикам пришло время увольняться, те боялись, что вошедший в силу жилистый, с чёрными усиками казах, сводя старые счёты, будет в ночь перед отправкой из части лупцевать их, как горох, но он этого, к удивлению всей казармы, делать не стал. Однако когда при выходе из помещения, чтобы следовать на КПП, благодарные дембеля с облегчением и заискивающе подходили к нему пожать руку на прощанье, Сундетов брезгливо убирал свои ладони за спину и демонстративно отворачивался. В тот день он тоже был дежурным по дивизиону.

– Ну что, Завьялов, службу сечёшь? – раздалось над стриженной головой Серёжи.

Он поднял мутные, с красными прожилками от бессонницы глаза на подошедшего старшего сержанта.

Тот ободряюще усмехнулся в усы:

– Вторые полгода будет легче...

Ответа не последовало. Серёжа уставился запавшими глазами в лицо Сундетова и молчал.

– А ты что это, сынок – дедуешь, что ли? Не считаешь нужным отвечать?

Дальше молчать Серёже было нельзя, и он замычал, усилием воли пытаясь разомкнуть стиснутые зубы, однако всё впустую: прямо хоть хватайся пальцами за скулу и оттягивай челюсть вниз! Но больно ведь, да и распухшее, обложенное горло всё вокруг себя будто намертво зацементировало.

– Бойцы, что это с ним?

– Ангина у него. Второй день уже ни съест, ни запихнуть себе в рот ничё не может.

– Непорядок, Завьялов, – командирская строгость сошла со смуглого лица старшего сержанта. – Перекантуйся в кубрике часок. Я провожу дивизион на завтрак, и пойдём с тобой в санчасть. Поди распорядиться, чтобы поесть тебе сюда принесли? Скажу старшине.

Серёжа отрицательно замотал головой. Острая боль иглами впиалась в глотку и молотом ударила в уши. Завьялов обмяк на лавке.

– Ты шибко-то, парень, не трепыхайся, – в голосе Сундетова слышалось почти отеческое участие. – Посиди, успокойся. А то можешь вон прилечь на свою койку. Я разрешаю. И от подъёма и построения освобождаю. Как больного.

Как бы то ни было, но в десять утра Серёжа уже трясся в больничной «таблетке» – УАЗике по бетонному шоссе из их упрятанной в скалистых сопках ракетной точки в гарнизонный госпиталь Сары-Озeka.

Неделя понадобилась военврачам и медсёстрам, чтобы привести в относительный порядок гланды и подготовить рядового к операции.

Утром 19 мая, в День пионерии, лечащий врач, старший лейтенант Хайлов энергичным шагом вошёл в палату и сходу обратился к поднявшемуся навстречу Серёже:

– Не завтракал?

– Как можно! Вы же сказали: не есть с утра.

– Молодец, боец! Готовься и жди своей очереди – сегодня операционный день.

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – невольно вскинулся парень.

Он уже два дня томился ожиданием, а не в его натуре было ждать да откладывать. Серёжа любил во всём ясность и определённую. Сказать, что он боялся предстоящей операции, было бы неверно. Потому что то, через что он должен был пройти сегодня, по здравому размышлению, никак не равнялось той изматывающей боли, пережитой им в дни воспалений гланд. Ведь не просто так военврач Хайлов поставил диагноз: хронический паратонзиллит.

Получается, что из-за собственной нерасторопности целых два предармейских года нарабатывал Серёжа эту хронику. И теперь вот он – долгожданный час избавления! Конечно, перед тем, как лечь под скальпель, перекусить бы, хоть чуток, не помешало. Воспаление рассосалось, организм оклемался, он же молодой, и, как утверждают умные люди, всё ещё растёт, не до конца сформировавшийся, так сказать. В солдатский желудок сейчас хоть поросёнка жареного забрасывай – вмиг переварит! Но...

«Додумывай, парень! – усмехнулся своим мыслям Завьялов. – Как бы ты этого поросёнка не выпростал тут же на больничные простыни, а то и на офицерские погоны самого Хайлова!».

После полудня настроение у Серёжи начало плавать. Жутко хотелось есть, но нельзя; медсестра лишь разок часов в одиннадцать заглядывала в палату. Парень обрадовался, вскочил с постели, засобирался. Однако миловидная, с золотистой прядью, выбившейся из-под медицинской шапочки, девушка примерно его лет молча сунула градусник Серёже под мышку, сама присела на табурет у окна и строго поджала пухлые губки. Дождалась, взяла градусник, посмотрела, кивнула неизвестно кому и ушла, так ничего и не сказав.

А спросить самому, когда же поведут его на операцию, парень постеснялся, мысленно укорив себя: «Всего каких-то полгода службы, а ты уже и позабыл, как общаться с гражданскими». Хотя вполне может быть, что эта фасонистая девчонка, вероятнее всего, военнослужащая, однако ни формы, ни знаков отличия через серо-зелёный халат Серёжа на ней не смог разглядеть. Скорее всего, как и он, рядовая, а может, даже и ефрейтор. Вон какая строгая!

Завьялова еще в день приёма в госпиталь поразило то, что он не встретил в этом продолговатом одноэтажном здании с шиферной крышей и широким крыльцом людей в белых халатах. Халаты были, но всё какого-то мышиного защитного цвета.

К трём часам дня боец уже метался по палате, как зверь в западне. Бегал из угла в угол, но к дверям в коридор не приближался, переживал – выйдет, отлучится, а в это время за ним возьмут да и придут. К четырём что-то щёлкнуло в голове, Серёжа встал посреди больничной комнаты, отрешённо оглядел пустующие заправленные кровати и тумбочки между ними (в палате он был один) и присел на свою койку, расположенную перед высоким окном с двойными рамами. Бросил подушку к стене, разлёгся на покрывале поперёк и стал разглядывать, что там творится на воле за окном.

Первое, на что обратил внимание: коряжистый, весь в мелких розовых цветочках, колючий карагач у сплошного дощатого забора; чуть в сторонке окрашенные в унылый тёмно-зелёный колер склады с тяжёлыми замками на дверях. С внешней стороны над забором вглубь поселкового пространства уходил жилой кирпичный дом с балконами и мачтами антенн на покатой крыше. Во многих оконных стёклах преломлялись и отблескивали лучи предвечернего солнца.

Взгляд парня привлёк решётчатый балкон верхнего пятого этажа посредине здания. Там на стуле сидела загорелая девушка в лёгком платьице. В руках у неё была какая-то книга, видимо, интересная, потому что за те полчаса, что Серёжа наблюдал за девушкой, она ни разу не оторвалась от чтения, не подняла свою изящную головку с волнистой чёлкой на красивом лбу. Пусть от Завьялова до неё было не так уж и близко, однако парень всё разглядел отчётливо. На зрение Серёжа не жаловался – оно было острым, и видел он далеко.

– Вот же как бывает в жизни, – настроился на философскую волну парень. – Я тут схожу с ума от ожидания неизвестно чего, а эта миленькая и вся такая воздушная фея сидит себе, почитывает, и знать не знает, что скоро всего-то в сотне метров от неё одного молодого и симпатичного солдатика будут скальпелем безжалостно кромсать! – Серёжа подавил невесёлую усмешку и мысленно продолжил разговор с юной читательницей: – Солнышко ты моё, оторвись же наконец от книжки да подними свою чудную головку, посмотри на наш госпиталь! Может, и меня увидишь. Твой нежный взгляд придаст мне силы, и... – додумать Серёжа не успел, в палату вошла давешняя молчаливая медсестра и кивком пригласила бойца следовать за ней.

Высокое кресло, в которое усадили Серёжу, было схоже с теми, что он встречал в зубокабинетах. Такие же удобные подлокотники, две тугие кожаные подушечки в изголовье и внизу у пола наклонная рифлёная пластина для упора ног. Вопреки ожиданиям привязывать, притягивать ремнями Серёжу ни к чему не стали.

– Задери рукав, – наконец-то услышал напевный голос молчаливой медсестры боец. Та в руках держала шприц. – Укольчик поставлю. Так... Теперь посиди, пока разойдётся.

– Хорошо, красавица.

– Не балуй, парниша!

– О-о! – оторопел Серёжа.

Чего-чего, а вот уж этого от строгой медички он не ожидал. Или, может, она таким игривым образом просто пытается отвлечь пациента от мрачных предо-

перационных мыслей и панических сомнений? Но ответить что-то и завязать разговор Завьялов не успел. Медсестра бесшумно покинула операционную, оставив его одного.

Укол морфия не сразу, но подействовал. Томная лёгкость растеклась по всему телу. Стало тепло и приятно, в какую-то сказочно-нереальную даль отодвинулись металлический стол с разложенными на нём блестящими хромированными пилками, скальпелями, ножницами, пинцетами и прочими незнакомыми Серёже медицинскими инструментами. Никелированный шкаф с пузырьками и бутылочками в наклейках за матовыми стёклами, так тот вообще ни с того ни с сего поплыл в глазах. А на душе-то вдруг стало так благодно, что хоть песни распевай!

– Ну что, боец, готов к труду и обороне?

В дверях стоял старший лейтенант Хайлов в серо-зелёном халате и шапочке на голове. Следом за ним в помещение впорхнули две медсестры, уже знакомая неожиданная молчунья и вторая, невысокая девушка азиатского типа. На лицах у обеих медицинские маски, волосы убраны в аккуратные шапочки. Точно такой же белоснежной марлей азиатка закрыла по самые глаза гладко выбритое лицо сосредоточенного Хайлова, а молчунья надела клеёнчатый фартук на живот и грудь хирурга. Похожий фартук привставшему Завьялову через голову приспособила проворная азиатка и сунула в руки эмалированную посудину – держи, мол, теперь это твоё.

Какими-то штучками, напоминающими выгнутые бельевые прищепки, зафиксировали широко раскрытый рот, и после этого Хайлов уже сам поставил Серёже два укола в гланды. Подождал, пока заморозится, и ловко, с хрустом надрезав правую миндалину, взял в руки хромированный пистолет со стальной петлёй на стволе. Щелчок, и миндалина уже в подставленной медсестрой посудинке. А вот с надрезом левой, истыканной, в сплошных шрамах гланды сразу что-то пошло не так. Военврач вновь и вновь подрезал её, пытался накинуть петлю, та срывалась, раздавался холостой щелчок. И всё повторялось сначала.

Серёжа сидел, вдавив темечко в упругие подушечки и уперев ноги в пластину. Шло время, наркозная заморозка заканчивалась. Парень уже начинал ощущать, как через губы на подбородок стекает что-то густое и тёплое. Наверное, всё это сочится дальше вниз по фартуку в эмалированную посудину, придерживаемую его вспотевшими от напряжения ладонями.

Серёжа видел серые внимательные глаза врача, крупные капли пота на открытом лбу. Молчунья медсестра отлучилась к столу и вернулась со смятым бинтом, осторожно промокнула лоб хирурга, тот кивнул в знак благодарности и сделал еще одну попытку зацепить искромсанную миндалину. Опять не получилось.

На стене напротив висели круглые часы с большими чёрными цифрами. Серёжа машинально отметил, когда началась операция: 16.41. Сейчас часы показывали время: 17.30. Некстати вспомнилось, как в курилке один выздоравливающий растолковывал ему, что, дескать, «на всё про всё при вырывании гланд уходит от силы минут двадцать. Так что не дрейфь, земляк! И глазом не моргнёшь, а будешь, как новенький!».

– Да уж, так обновился, что лучше некуда! – как черти на сковородке, скакали в воспалённом мозгу шальные мысли. – Старлей теперь вот уже по живому скальпелем поскрёбывает. А ведь не встанешь, не уйдёшь! И куда это, парень,

бежать ты собрался? Посмотри-ка на медсестричку – молчунья-то наша, видно, вся извелась, а глаза-то, какие глаза!..

И действительно, изящно очерченные, в бархатистой опушке ресниц бездонно-синие глаза девушки были подёрнуты влагой, и такая жалость струилась из них, что Серёжа на какие-то секунды забыл о нарастающей боли в развороченном скальпелем и отходящем от уколов горле.

Последовал очередной щелчок пистолета, и он оказался не холостым. Серёжа почувствовал не только острую боль, но и то, как что-то провалилось внутрь глотки. Хайлов чертыхнулся вслух, однако в интонации промелькнули нотки облегчения:

– Упустил-таки! Боец, не подавился?

Серёжа отрицательно мотнул головой.

– Ладно, всё переварится, – сказал, отходя от больного и снимая матовые перчатки, военврач.

Медсестра азиатка подошла сзади к хирургу и помогла тому снять марлю с лица и освободиться от кое-где забрызганного гноем и кровью фартука.

– Крепкий парень. Молодец! – обратился Хайлов к своим помощникам. – Проводите в палату. На месте поставьте обезболивающий – и пусть отдыхает. Утром осмотрю.

На покачивающихся неверных ногах в сопровождении невысокой азиатки, оказавшейся без маски привлекательной кореяночкой с раскосыми очами, прошёл Серёжа по коридору в палату, обессиленно присел на кровать. Появилась вторая сестра со шприцем, молча поставила укол в руку, сочувственно улыбнулась, и девушки бесшумно покинули больного.

Перед тем как лечь, Завьялов посмотрел в окно. Солнце почти село, это было заметно по густой тени, что легла на цветущий карагач, строения у забора и среднюю часть пятиэтажки. Однако закатные отблески еще играли на верхних этажах. А на знакомом решетчатом балконе Серёжа увидел всё ту же девушку с книгой в руках. Увидел и через силу улыбнулся, правая рука непроизвольно потянулась вверх – помахать этой воздушной принцессе:

– Привет, хорошая моя! Видишь, живой вернулся, – сквозь утихающую боль весело подумалось парню. – Скажи хоть, сколько же страниц ты прочитала без меня?

Госпитальный УАЗик-«таблетка» выехал из скалистого ущелья на вспаханную равнину и покатил по земляной дороге, наклонно уходящей к поблескивающей озёрной линзе вдали.

Сидящий рядом с водителем старший лейтенант Хайлов обернулся к Завьялову:

– Всё, боец, прибыли.

Серёжа согласно кивнул. Всё еще побаливало горло, и говорить было тяжело-вато. Вчера на утреннем обходе Хайлов после осмотра неожиданно предложил Завьялову ехать с ним на целую неделю в подшефный совхоз на Капчагайское водохранилище.

– Операция прошла не совсем удачно, – пояснил старший лейтенант. – Надо понаблюдать за процессом заживления, а меня, как назло, завтра направляют в порядке шефской помощи на бахчи в совхоз «Заря коммунизма». Поедешь со

мною? – Хайлов пристально посмотрел Серёже в глаза. – Я думаю: отказываться от почти что гражданки не стоит. Да и долечить тебя не будет лишним...

Автомобиль катился мягко и беззвучно. Вот справа проплыли две бревенчатые избы: одна с высоким крыльцом и красным флагом на крыше, другая более удлинённая, с низким крыльчком, скамейками вдоль стены и антенной, закреплённой на дощатом фронте. Перед строениями на утоптанной площадке в углу стояло несколько мотоциклов с колясками и бортовой ЗИЛок.

Вопреки ожиданиям Завьялова, здесь даже и не притормозили, а помчались дальше вдоль крутого берега по едва различимой в траве колее.

Три брезентовых палатки Серёжа заметил издалека и сразу догадался, что это и есть их полевой лагерь. А когда оказались рядом, взору парня открылась еще и овальная лагуна в овраге с перевёрнутой на песке лодкой и бревенчатым домом на том, более низком берегу.

Встречать их выбрались из палаток шесть офицеров и четверо солдат. Конечно, Серёжа определил это не по каким-то знакам отличия или форме – все были одеты не понять во что: кто в галифе, кто в хэбэшные штаны или трико; на ком-то майка, на ком-то нижняя рубашка; кто в сапогах, кто в шлёпанцах; была середина дня и хорошо припекало.

Распознал будущих соратников по арбузной плантации Завьялов по возрасту и внешнему виду. Юные, безусые и стройные – это, безусловно, выходящие бойцы. А те, кто поуверенней в повадках, а некоторые даже и с определившимся животиком – это офицеры. Поумничал парень и – ошибся. Позже выяснилось, что лишь двое из предполагаемых шести – офицеры-медики, а четверо – так называемые «партизаны», то есть гражданские, призванные военкоматами на двухмесячную переподготовку и попавшие на бахчи.

А вот с солдатами Серёжа угадал. Одного из этих загорелых парней он менял – тот, даже не посмотрев в сторону прибывших, молча полез в «таблетку»; с остальными, стоящими чуть поодаль бойцами Завьялову предстояло познакомиться поближе.

Минут через пятнадцать, забрав с собой одного офицера и солдата, машина развернулась и уехала. Шофёр даже и перекусить с дороги отказался, сославшись на то, что путь неблизкий и надо бы в госпиталь вернуться засветло.

Старшего лейтенанта и Серёжу провели на берег, где на столике, укрытые вафельным полотенцем, стояли миски с жареной рыбой, ломтями хлеба, между ними лежали пучки зелёного лука, укропа и петрушки, поблескивала фарфоровая солонка. Метрах в двух ближе к воде на треноге на углях попыхивал закопчённый чайник.

– К обеду вы опоздали, – как бы оправдываясь, сказал лысоватый толстячок с выпуклыми голубыми глазами и круглым, располагающим лицом, как позже оказалось: капитан медицинской службы, невропатолог. – Поэтому перекусите, как говорится, чем бог послал. И отправимся арык перегораживать. Я покажу где... А к семи вечера со стана придёт бортовая машина, и нас отвезут поужинать.

Пешком по земляной дороге поднялись на середину распаханного, с бороздами сверху вниз, широкого поля, и от развилки пошли вдоль делящего надвое эту бахчу арыка с мутной водой. Здесь солдаты и «партизаны» разбились попарно, а капитан с Хайловым ушли дальше вверх по своим делам. Серёжин напарник, высокий, смуглый шатен, с нетипичными для солдата-срочника ко-

лечками кудрей вместо полагающихся коротко стриженных волос, рассказал, в чём будет состоять их работа.

Дело оказалось проще пареной репы. Перегораживаешь комями и дёрном ручей, получается запруда. Пока накапливается вода, лопатами срезаешь бровки, разделяющие арык и дно бороздок. Мутный поток растекается по уходящим вниз руслам. Происходит полив едва проклюнувшихся арбузных ростков. Как только бороздки подтапливаются и напитываются влагой, запруду разгораживаешь, вода сбегает, бровки восстанавливаешь и переходишь на следующий участок.

Напарник был постарше Серёжи, на вид года двадцать три – двадцать четыре. Назвался Леонидом. Статный, разговорчивый, курчавый. Серёжа догадался, отчего эта неуставная причёска: дисциплина в госпитале не такая жёсткая, как в войсках. Больничный халат – не гимнастёрка. Ни подшитых подворотничков тебе, ни аккуратной стрижки, желательна под «ноль». Вот паренёк и приборзел.

– Ты с чем попал?

– Гланды только что выдрали. Даже говорить не мог, с обеда вот отошло маленько. А ты?

– У меня голова болит постоянно...

– И сейчас, что ли?

– Да нет. На свежем воздухе проходит.

– Да, здесь курорт, – Серёжа окинул окрестность и хмыкнул: – Скажи землякам в части, не поверят, что такое может быть всего-то в сотне км от нашего пекла.

– А ты где служишь?

– Так, на точке... – уклончиво ответил Завьялов. Еще в карантине с них взяли подписку на пять лет о неразглашении. – В артиллерии. А ты?

– Да я в Озеке же, при штабе.

– Небось, писарем?

– Нет, в хоззведе, – дальше Лёня распространяться не стал, а спросил: – Призван-то откуда?

– С Алтайского края.

– Не был, не знаю. Поди, такая же пустыня и перекасти-поле, как здесь?

– В наших предгорьях тайга непролазная, родники такие, что пить, не напитокся, – мечтательно произнёс Серёжа. – Рядом в белках – это горы со снежниками на пиках – огромные кедры, а шишек на них – мешками возим.

– Ну-ну, – не поверил новый знакомый и нехорошо усмехнулся: – Ты еще скажи, что с верхушек ваших кедров можно прямо на луну залезть! За полтора года службы я тут всякого понаслушался... Каждый кулик своё болото так расписывает, так расписывает! А вот бывал ты, к примеру, в Ленинграде?

– Нет, не приходилось, – Серёжу несколько покоробил пренебрежительный тон собеседника, но обострять разговора не хотелось. Кругом такая вольная красота, тёплый дух идёт от матушки-земли. И он промолчал.

– А я коренной ленинградец! Хотя между собой мы себя называем «питерцами». Так оно правильной и красивей.

– Так ты из дворян, что ли? – в школе у Серёжи по истории была пятёрка. Он с сомнением посмотрел на Леонида: – Хотя они всё больше белокурые, а твои предки, наверное, из греков, а может – армян?

– Обижает, пацан, – презрительно ухмыльнулся напарник. – Я еврей, из сепардов. Ты, деревня, поди и не слышал про таких?

– Про вас не захочешь, да услышишь... – получи-ка, браток, за «деревню»: – Ты, Лёнчик, шутишь?! Какой ты на хрен коренной питерец? Коренных, кто не успел сбежать за кордон, извели ваши же еще в двадцатых. А на их места залезли такие, как ты, «сефардцы» и «ашкеназцы».

– Так ты чё, против нашей Октябрьской революции? Забыл, кто вам её на блюдечке да с голубой каёмочкой преподнёс? Из вождей один только Ленин ваш, и то – как сказать...

– Ты мне, Лёнчик, политику не шей. Я от неё так же далёк, как от твоего Ленинграда. Давай-ка лучше распрудим да дальше пойдём поливать.

Вечером в совхозной столовой впервые со дня призыва уминал Серёжа роскошную, величиной с ладонь, деревенскую котлету с гарниром из риса и, запивая компотом, смотрел новости по мерцающему на подставке в углу телевизору с чёрно-белым экраном. Тоже в первый раз больше чем за полгода, потому как ни в казарме, ни в госпитале даже простеньких «Рекордов», как этот, не было. Зато и там, и там имелась своя библиотека. И если в дивизионе времени на чтение редко удавалось выкроить, то в лазарете его – хоть отбавляй. А книги Серёжа любил с первого класса, как только освоил азбуку. Теперь вот для разнообразия и как нечаянная отдушина – телевизор, пускай хоть краешком глаза...

Звёзды крупные, степные чуть пригасили свой свет, когда с восточной окраины выкатилась на небосклон огромная луна, и вся окрестность стала такой, как будто ты рассматриваешь её через матовую плёнку: предметы, если они где-то и сливались, то всё равно были видны и узнаваемы. Воздух вокруг лагеря тёплый и мягкий.

– Ты рыбак, Завьялов? – неслышно подошёл сзади от палаток старший лейтенант Хайлов к наблюдающему за небом Серёже.

– Да не сказать, чтобы очень-то...

– Ну, хоть сети-то видел в жизни?

– Марлей пескаррей таскали в детстве.

– Значит, умеешь, – с облегчением выдохнул Хайлов и бодро крикнул в сумерки: – Александр Николаич, ступай к нам! Я себе – замену, а тебе компаньона нашёл!

Прошло уже трое суток их пребывания на совхозных бахчах. Ранки в горле затянуло, Серёжа загорел, подобрался, отмяк душой. Эх, кабы сюда еще и почту наладить, вообще был бы рай! Дело в том, что парень положил себе за правило: родителям писать регулярно, не реже, чем раз в неделю; и до госпиталя это получалось, а теперь вот произошёл сбой.

Завьялов перед операцией отправил домой очередное письмо, где сообщал, что подпростыл маленько, но ничего страшного в этом нет, скоро, мол, выздоровеет и вернётся в часть. Однако возвращение, судя по всему, затягивалось. А из этих бахчей до ближайшего почтового ящика вёрст не сосчитать, да и весточку передать не с кем. И как же здесь быть?

– Вот этот боец, товарищ капитан, хорошо умеет справляться с неводом, – радостно выдал Хайлов подошедшему невропатологу несуществующие авансы относительно рыбацкой удали своего подопечного. – Вы уж теперь тут как-нибудь сами без меня, а я пошёл спать. Что-то подустал сегодня.

Молодец старлей, свалил свою ношу на Серёжу. А сам в палатку...

– У меня фонарик есть, – просто обратился к Завьялову капитан. – Но, думаю, обойдёмся и так. Ночь-то, как в песне: «и такой на небе месяц – хоть иголки собирай...». Нам в актив еще и то, что наш рыбнадзор с базы, – офицер указал рукой на тусклый в сумеречном свете противоположный берег за лагуной, – на своём «Ирбите» с вечера куда-то умчался. А это значит, что мы будем выгребать судака и щуку без оглядки.

– А не вернётся?

– Ну и что? Объяснимся как-нибудь. Всё-таки соседи...

Капитан впереди, Серёжа за ним, обошли мыс и спустились по осыпчатому обрыву к тёмной озёрной поверхности. Офицер положил на камушки свёрнутый мешок, скинул шлёпанцы, разделся до плавок, а Завьялов, не желая мочить трусы – догола, и зашли они в неподвижную, хорошо прогретую за день воду.

– Ты ощупай с левой стороны, а я с правой поищу подтопленные поплавки. Только в сетке не запутайся – негромко бросил капитан, отплывая от берега. И почти сразу же из сумерек донеслось: – Всё! Не ищи, солдатик. Конец у меня. Буду подтягивать к берегу. Встречай!

Поднялся лёгкий ветерок. На зыбкой мели перебрали невод, добыли с десятка судаков и трёх зубастых щучек. Капитан осторожно освобождал из крупных ячей головы, жабры, хвосты рыбин и бросал улов в раскрытый мешок в Серёжиных руках. Минут через десять Завьялов оттащил его на берег, завязал тесёмки и вернулся к Александру Николаевичу. Вдвоём они расправили сеть, еще раз осмотрели и, заплыв на глубину, подтопили её на прежнем месте.

– Утром встань пораньше, боец, – перед тем как разойтись по палаткам, сказал капитан, – сможешь управиться с рыбой. Распотрошим, посолим, какую на жарёху оставим.

– Во сколь?

– Часиков в пять. Спокойной ночи, парень.

– Приятных снов, товарищ капитан!

Назавтра выпало Серёже поливать арбузную поросль с Леонидом. Предыдущие дни Завьялов перепруживал и разгораживал арык то с «партизанами», то с угрюмым Толиком, из которого каждое слово нужно было вытягивать чуть ли не клещами. А вот в работе Толик незаменим: мог весь день без перекура ворочать комья и махать лопатой. Худой, жилистый парень, родом откуда-то из деревни под Рязанью. Говорил с нажимом на «о», слегка растягивая гласные. Однако за смену, если и скажет два-три предложения, как рублим одарит.

А Лёня, напротив, говорун был отменным. Обопрётся на лопату, и давай ездить по Серёжиным ушам. Оно всё бы ничего, да только в речах у питереца нередко проскальзывало плохо скрываемое надменное бахвальство. И это утомляло.

Прочувя, что Серёжа начитанный и в отличие от многих солдат прекрасно изъясняется без солёных матерных словечек, Лёня вёл беседы на исторические темы, подчёркивая исключительную роль своего особенного народа в развитии человечества.

– Ньютон – кто? Спиноза? Эйнштейн? Это я тебе только первых, навскидку, мировых учёных назвал. А композиторы Шостакович и Дунаевский? Тоже наши, – довольно хмыкнул питерец и, нехотя кинув лопату земли на запруду, вдохновенно продолжал: – Я уж не говорю про пламенных революционеров и вождей государства, таких как Мехлис, Якир, Каганович. А ты вспомни-ка, сибир-

рычок – Свердловск ведь от вас там недалёко: кто руководил красноармейцами, которые шлёпнули вашего Николашку со всей его семейкой? Наши – Юровский с Голощёкиным. Да и Бог ваш – Иисус Христос, он тоже из евреев!

– Ну, это ты уж брось! – не выдержал Серёжа. – Остальные – ладно, пусть из твоих. Но моя бабушка Капитолина, она в Бога верила, а я ей. Она всегда мне в детстве говорила: Христос – Сын Божий. И твоим предкам шибко повезло, что были избраны, однако они-то что с Ним сотворили? Не пацан, сам помнишь... – Завьялов усмехнулся: – Наверное, хватит орать на всё поле, а то вон уже военврачи и те работу побросали – тебя слушают. И ты давай-ка угомонись, сверхчеловек: не надо заворачивать свой базар так, что будто у русских нет гениев! Ты что, не слышал про Александра Невского и Дмитрия Донского? А про Михайло Ломоносова? Чайковского? Дмитрия Менделеева? А фамилия Павлов – академик тебе ни о чём не говорит? А Жуков с Коневым? А Будённый? Я могу до обеда перечислять. Покуда ушки твои красивые не завянут.

Ладно бы при проливке бахчей лез к Серёже со своей избранностью этот прилипчивый питерец, теперь он старался занозить парня, где только выпадала минутка: на борту ли машины, везущей их бригаду на стан в совхозную столовую, после подъёма ли при умывании, по дороге ли на работу. Военврачи всё это заметили и больше не ставили Серёжу с ним в одну пару, чтобы ненароком эти беспокойные выздоравливающие не разодрались.

Завьялов чувствовал: и капитан, и Хайлов на его стороне. Он догадывался, что демонстративная заносчивость Леонида им тоже была неприятна, но кадровые вояки не вмешивались, не обрывали того. То ли из деликатности, то ли не считали нужным опускаться до общения с этим курчавым болтуном из северной столицы.

После обеда, в самое пекло, ровно часок давался всем отдохнуть в лагере. Можно было поваляться поверх спальника в палатке, можно сходить искупнуться, чтобы потом позагорать на берегу, выбрав среди мелкого нанесённого прибоем галечника волнистый островок песка и, растянувшись на нём, подгрести ладошками под грудь сухие и рассыпчатые барханчики.

– Эх, как хорошо-то! Пряма как на балтийских дюнах в августе! – Лёня прилёг на раскалённый песок рядом с Серёжей. – Вот лафа-то! Еще бы чувих сюда парочку-другую. Вообще бы всё соответствовало. Но зато как представляю, что осенью на дембель – словно крылья вырастают! – питерец приподнялся и сел, снисходительно окинув полёживающего на песке сибиряка. – Хотя тебе этого не понять. Ты до армии наверняка слаще морковки ничё и не пробовал...

– Брось трепаться, Алан Делон ходячий! Ботало столичное.

– Особо-то не возникай. А то я будто не вижу, что ты, Серёга, по натуре телок в таких делах: мычишь и не телишься, – питерец плотоядно ухмыльнулся и без всякого перехода понёс: – Рядом с нашим институтом общага бабская стояла, швей-мотористок. Так я, пока не ушёл в академ, всех там поимел... Бывало, забуришься, и с первого этажа до пятого каждую комнатку пройдёшь, и хоть бы одна отказала. Девахи румяные, мясистые, с местных деревень русачки. Пальцем помани, и делай, что хочешь. Вот вытворяли, сучки! Русские давалки самые безотказные.

Леонид так распалился, что чуть не подпрыгивал на месте, при этом успевая неприлично жестиковать худыми руками. Конечно же, он и не видел за сво-

ей спиной вышедших на бугорок офицеров, невольно ставших свидетелями его сальностей. Серёжа тоже их заметил только что, когда слегка отклонил голову в сторону. Ему стало почему-то стыдно за питерца и неловко за себя.

– Угомонись, фантазёр, – в сердцах оборвал он Леонида. – На нас смотрят. Ты что, трепуша, забыл: языком молоть – не мешки таскать. Брехло еврейское...

– Да я тебя, шмакодявка ты салажонская!..

Парни вскочили на ноги и встали друг против друга. Серёжа едва сдерживал себя, глаза у него побелели и сузились. Он чувствовал, как тяжелеют кулаки. Лишь бы не сорваться и дров не наломать. А за девчонок обидно. В памяти проступили миловидные лица давешних медсестричек и девушка с книжкой на балконе. И здесь же их затенила искажённая злобой самодовольная физиономия питерца.

– Ты, сопляк, не рано ли борзеть начал, – и Лёня протянул вперёд обе руки; движение было таким, словно он намеревался схватить Серёжу за грудки, за распахнутый ворот больничного халата. Но как это сделать, когда торсы-то у них голые, а из одежды одни сатиновые трусы до колен?

– Зря ты, парень, плети свои выкинул, – яростно выдохнул Серёжа, перехватывая питерцу руки выше локтей и, подсаживаясь под противника, гибко изогнулся для броска через бедро.

– А тело-то у тебя рыхлое, как у протухшей селёдки! – догнал Завьялов криком летящего через его спину «Алан Делона».

Леонид с глухим стуком впечатался в мелкие камешки. Группироваться этот красавец обучен, видимо, не был, потому и вытянулся длинной кишкой перед стоящим над ним и отходящим от броска Серёжей.

– Это тебе, сволочь, за наших девчонок! Козёл столичный! – зло метнул Завьялов. – Будешь теперь знать, как поганым языком трепать!

Однако вид поверженного был настолько жалок и беспомощен, что Серёжа, сменив гнев на милость, участливо склонился над питерцем, протянул правую руку и, поддерживая под локоток, помог подняться недавнему противнику и даже смахнул несколько мелких камешков, вдавленных в трапециевидные мышцы худой спины Лёнчика.

Тот, даже не глянув в сторону Серёжи и не сказав ничего, подрагивающими пальцами стряхнул с трусов прилипший песок и направился от берега вверх, к своей палатке. Военврачи, когда он проходил мимо них, отвернулись и принялись любоваться полуденным озёрным бризом.

За оставшиеся два дня до отъезда в госпиталь Лёня не проронил ни слова. Ходил по лагерю и плантации с каким-то высокомерным и одновременно пришибленным выражением своего семитского лица. Уже не работал, больше просто держался за лопату, обозначая своё присутствие.

И даже когда забирался в прибывшую госпитальную «таблетку», не кивнул никому на прощанье. С ним уезжал и старший лейтенант Хайлов. По всему, должен бы вернуться в госпиталь готовиться к выписке и Серёжа. Однако накануне вечером у костра лечащий врач обратился к Завьялову с предложением остаться тому на бахчах еще на недельку.

– Парень ты толковый, – сказал Хайлов. – От работы не бегаешь.

– А как же служба? Я и так уже полмесяца отсутствую в части, – искренне посовестился Серёжа. – Неудобно как-то перед ребятами...

– Неудобно штаны через голову надевать, – усмехнулся старший лейтенант. – Будем считать, что я продлеваю твой курс лечения курортными процедурами.

– Оставайся, парень, – вмешался полноватый капитан. – Порыбачим...

Еще одна солнечно-трудовая неделя пролетела быстро. Работалось легко, мужики вокруг тоже не отлынивали, а главное – никто не зудел над ухом о своём расовом превосходстве. Всё бы хорошо, но Серёжа начинал по-тихому тосковать из-за отсутствия вестей из дома, да еще и неопределённость томила. А невропатолог между тем – получилось так, что опять у вечернего костра – уговаривал парня оставаться на бахчах ни много ни мало, как до самой осени.

– Что ты в войсках забыл? Сам же знаешь: солдат спит, служба идёт...

– Товарищ капитан! Кто с гландами по полгода валяется в госпитале?

– Через недельку заканчивается моя месячная командировка сюда, я уеду и на месте возьму у старшего лейтенанта твою историю болезни, допишу свой диагноз – и лечись себе на здоровье дальше, – капитан расцвёл в добродушной ухмылке: – Хоть арбузов от пуза прямо с грядки поешь!

– Не смогу я. Буду здесь как на иголках.

– А там, куда так стремишься, путнего-то чего? Ты же всего полгода в армии. Вернёшься в часть, старослужащие заклюют, затуркают попрёками. Знаю я вашу братию. Пятнадцатый год по гарнизонам.

– Как-нибудь отобьюсь.

– Ну, смотри, парень. К сожалению, приказать тебе не в моей власти, – с грустью в голосе произнёс капитан, однако перед тем, как подняться от дотлевающего костра, он, будто вспомнив что-то важное, заглянул Серёже в глаза и твёрдо сказал: – Езжай с Богом. Но если вдруг возникнут трудности, будут давить или просто захочешь побывать на бахчах, сразу в лазарет, скажи, что голова болит, раскалывается и никак не проходит, и добейся, чтобы тебя направили в гарнизонный госпиталь к невропатологу, то есть ко мне. Остальное, как говорится – дело техники. Обещаешь?

– Так точно, товарищ капитан, – бодро откликнулся Серёжа.

И ему вдруг почему-то вспомнился Лёня и его загадочные головные боли.

По возвращении в бригаду Завьялова ждала не только целая пачка непрочитанных писем из дома, от девушки и от друзей, но и неожиданная, как гром среди ясного неба, новость: его поставили на сержантскую должность командира отделения радиостанции. На место недавно уволенного в запас старшего сержанта Сундетова.

3

Серёжа улыбнулся своим мыслям, ещё раз глянул на проплывающие за окном трёх-четырёхэтажные жилые здания в обрамлении пожелтевших пирамидальных тополей – воинский состав проезжал райцентр Капчагай – и отправился в своё купе. Навстречу ему из глубины вагона шла в строгой светло-серой юбке и сиреневой блузке пышногрудая, с раскосыми восточными глазами и статной фигурой, молодая проводница по имени Гульнара.

Завьялов посторонился, чтобы пропустить торопящуюся к себе девушку. Проходя мимо, та мельком и, как показалось Серёже, оценивающе окинула его с головы до ног, и побежала дальше.

«Не впечатлил...» – усмехнулся про себя парень, а вслух пошутил, обращаясь к сидящим на боковых местах сослуживцам:

– С такой кралей мы за дорогу или с ума сойдём, или передерёмся!

– Да на неё просто поглядеть после нашей голодухи – уже сказка, – живо откликнулся ефрейтор Усольцев. – Хороша татарочка!

– А ты откуда знаешь, что татарка, а не узбечка, например?

– Она сама сказала, когда деды наши при посадке стали к ней подкатывать.

Проехали ещё какое-то время, и в окнах слева на горизонте показалась освещённая закатными лучами цепь высоких гор с белоснежными вершинами – хребты Заилийского Алатау. Значит, скоро Алма-Ата. Однако до города в этот вечер воинский состав не добрался. На одном из разъездов его загнали ночевать в тупик.

Повара с двухведёрными рифлёными контейнерами прошлись по купе, покормили бойцов дымящейся мясной кашей и горячим подслащённым чаем. Спасибо отцам-командирам, что озаботились заранее: походная кухня располагалась при составе на специально оборудованной платформе.

Уже темнело, когда в вагон наведаясь и заглянул в каждое купе заместитель командира дивизиона по политической части старший лейтенант со странной и какой-то несерьёзной фамилией Дуля. Был он невысокого роста, поджарый, с оспинками на щеках, серо-жёлтые глаза не могли найти себе места, всё бегали.

Что неприятно удивило Серёжу еще в первые месяцы службы, так это то, что политрук, отвечающий за коммунистическое и примерное воспитание солдат, мог при случае, когда рядом не было старших по званию, и смачно матюгнуться, и послать по матушке бессловесных срочников. Вот тебе и «коммунисты, вперед!».

Перед тем как выключить свет в вагоне и уйти в купе проводников, Гульнара прошла в тамбур и под присмотром замполита, что-то весело рассказывающего ей, закрыла полым гранёным ключом на связке входные двери. Было видно, как Дуля хотел забрать ключи у девушки, да та не отдала, громко бросив через хрупкое плечо старлею, что, дескать, «их по инструкции не положено никому передавать в руки». Вероятно, определение «по инструкции» оказалось действенным – замполит незамедлительно ретировался в офицерский вагон.

Место у Серёжи нижнее боковое, и всё происходящее в освещённом коридорчике перед нагревателем и купе проводников хорошо просматривалось. Вот там появился долговязый ефрейтор Усольцев с кружкой в руках, но отчего-то набирать кипятка не стал, а повернулся к двери и тихонько постучал. Выглянула девушка, сейчас она была в лёгком халате, смоляные вьющиеся волосы падали на плечи.

– Ах, Усольцев, сладкоежка! За сахарком, небось, припёрся, – мелькнула простодушная мысль у Завьялова. – Но что такое? Почему же он не ждёт у двери, а ныряет внутрь?

В ночной тишине послышалось, как щёлкнул закрываемый внутренний замок, и опять всё стихло. Минут через десять Серёжа уже проваливался в сон, когда мимо прошёл сержант подстарок из батареи управления и ногой задел Завьялова за свисающую с полки руку, вернув того в реальность.

– А этот-то куда? – подумалось с раздражением. – Туалет ведь в другой стороне... Шарятся здесь всякие, спать не дают, – парень перевернулся на спину и закрыл глаза.

Тишина убаюкивала, тело растворялось в ней, чтобы собраться вновь, но уже в весеннем солнечном скверике у фонтана. Серёжа сидел под белоснежной че-

рёмухой на скамье с фигурно изогнутой спинкой, а Валюша отошла к бьющему серебряными струями фонтану и, протянув руки, пыталась набрать в сделанные лодочкой ладошки ниспадающей сверху воды. Девушка то и дело оборачивала к Серёже своё смеющееся красивое лицо и звала лучисто-серыми, опушёнными густыми ресницами глазами к себе. Серёжа шутливо отмахивался: «дескать, мне и здесь у душистой черёмухи так хорошо, что и вставать-то лень! Лучше ты возвращайся ко мне. Вместе ароматом и подышим...».

– Не дрыхни, Завьялов. Давай к Гульнарке, – тихонько тормозил Серёжу Усольцев. – Поди, успеешь еще, пока деды не просекли. Она всем даёт, – Усольцев ухмыльнулся: – «Вас, говорит, солдатиков всегда так жалко, прям сил моих нету терпеть!» А девка ядрёная! Кровь с молоком. Да не дрыхни ты, пошёл – давай! За сержантом будешь...

Наконец-то Серёжа проснулся окончательно и всё понял.

– Нет, браток, спасибо – не хочу. Иди, зови кого другого, – Серёжу передёрнуло, и он не удержался, отрезал в сердцах: – Не хватало ещё – в очередь. Брезгливо как-то. Да и девчонка меня ждёт...

– Ага! Девчонка его ждёт! Сказал тоже! Ну, ладно, дрыхни тогда дальше, Ромео.

Однако сон у парня пропал. Так себе, вязкая полудрёма, то одолеет, то отпустит. Явственного и цветного, последовательно связанного, как это прежде часто случалось, ничего не проступало. Всё что-то липкое, обвальное, бессмысленное.

Светало, когда изрядно вымотанный Серёжа уснул. Однако сон, и так-то всегда чуткий, сегодня получился еще и предельно обострённым. А то бы разве услышал парень в наступившем под утро полном безмолвии неясный и вкрадчивый звук, напоминающий скобление мышки под плитусом. Серёжа открыл глаза и склонил голову на край подушки, чтобы лучше рассмотреть: что же опять там происходит?

Замполит, в расстёгнутом полевом кителе без портупей, в помятых галифе и тапочках на босу ногу, по виду слегка пьяненький, тихо скрёбся в дверь купе проводников. В правой руке у Дули Серёжа рассмотрел прихваченный двумя пальцами червонец, красную десятирублёвую купюру и, напрягая слух, разобрал громкий напористый шепот:

– Гульнарочка, миленькая, будь любя, открой? Я не за так! Заплачу. Мало будет – дам еще. Шибко любить тебя хочу, Гульнарочка! – Дуля на минутку умолк, и Серёжа услышал, как провернулся ключ в открываемой двери, и в проёме показались растрёпанная голова и голое молочное плечо проводницы.

– Чё мешаешь, старый козёл! – произнесла она с вызовом и, смерив старлея презрительным взглядом, гордо бросила: – И вообще, я с офицерами не сплю. У вас свои бабы имеются. Я солдатиков люблю, – и с шумом захлопнула дверь перед самым носом замполита. Дуля потоптался, постоял и, повесив голову на грудь, нетвёрдым шагом подался в свой вагон.

Утром Гульнара, причёсанная и свежая, будто и не было накануне бурной ночи, улыбчиво порхала между купе. Подмела и помыла полы, прошла, поправила занавески на окнах, а по прибытию состава в Алма-Ату неожиданно для всех покинула вагон со спортивной сумкой через плечо, напоследок уже с перрона приветливо помахав солдатам изящной соблазнительной ручкой...

На четвёртый день пути состав загнали на какую-то тупиковую железнодорожную ветку посреди поволжской степи, плоской и круглой, как стол, с редкой серой растительностью и поблескивающими, как плешь, частыми солончаками. По настилам спустили технику с платформ, выстроили машины во главе с ракетными установками одну за другой и по отмашке полковника Дубова колонна тронулась.

Направление, как при построении сообщил командир батареи капитан Кулагин, строго на площадки, и пояснил, что это никакие не плацы, а своеобразные оазисы, военные городки в этой грёбаной полупустыне, где они в человеческих условиях отдохнут с дороги и приступят к подготовке боевых пусков.

Поднимаемая до неба пыль от движущейся колонны не только застилала путь и мешала Серёже разглядеть окрестности, она проникала через резинки на плотно закрытых окнах ГАЗ-51 в кабину и заставляла дышать только носом, чтобы избежать слюнной грязи во рту.

Пыли убавилось, как только выехали на бетонку, а километра через полтора вся взвесь осела, в кабине прояснело, и открылся горизонт, на котором приветливо замаячили оштукатуренная и побеленная кочегарка с высокой трубой, правильно расставленные двухэтажные кирпичные строения за оградой и скупая щетинка чахлах пирамидальных тополей по периметру. Деревья походили на воткнутые в землю обдёрнутые метёлки с торчащими голыми прутьями.

Стоял сентябрь, и по всем приметам листьям бы, пусть уже и жёлтым, покуда не время облетать. Месторасположение их ракетной бригады значительно южнее, недалеко от границы с недружественным маоистским Китаем, летом наверняка и жара свирепее, однако, когда они уезжали, на тех же устремлённых ввысь тополях кое в каких местах еще просматривались на жёлтом фоне зелёные пряди. А здесь уже ни листочка... «Вот что значит – полигон» – заключил для себя Серёжа.

Перед широкими железными, с красными звёздами воротами колонна остановилась. Командиры через КПП прошли на территорию. Сержанты и солдаты прыгнули на землю размять затёкшие ноги и перекурить.

– Насколько я знаю, – не обращая ни к кому конкретно из стоящих рядом сослуживцев, сказал Серёжа, – сейчас мы загоним и осмотрим свою технику, нас покормят обедом, а вечером партиями отправят в баньку, – Завьялов мечтательно потянулся: – Только был бы жар покрепче, чтобы с дорожки душу отвести...

– По машинам! Приготовиться к маршу! – перебивая Серёжу, раздался резкий и зычный бас Дубова. Полковник, широко расставив ноги, стоял у КПП, остальные офицеры под отрывистые аккорды начальника политотдела скорым шагом торопились к своим машинам: – Слушай мою команду! Колонной выдвигаемся в степь и разбиваем лагерь!

– Вот тебе на! Славно попарились! – напоследок только и успел недоумённо и насмешливо прокричать Усольцев, убегая к своему ГАЗ-66. В кунге этого автомобиля, оснащённого разными военными геодезическими приборами, ефрейтор возил отделение топографов.

Если сверху, с неба посмотреть, железный сочленённый удав изогнулся вопросительным знаком и начал медленно выползать назад на бетонку, ревя и попыхивая по бокам едким дымом изо всех своих выхлопных труб. Наконец колонна выровнялась и, набирая скорость, покатила.

Километра через полтора ракетчикам навстречу показалась примерно такая же кавалькада военных машин. Только вот установки у тех были пожиже, а ракеты не шли ни в какое сравнение: казались игрушечными. Зато все автомобили были чистенькими и новенькими, как с конвейера. И чем-то неуловимо отличались от нашей советской техники.

– Союзнички! – кивнул в сторону встречной колонны сидевший за рулём рядовой и, не оборачиваясь, пояснил Серёже: – Видишь эмблемы на дверках? ГэдээРовцы. Немчура, – водитель приоткрыл боковое окно, чертыхнулся и сплюнул на дорогу: – Эти фраера на наше место, в мягкие постели, а нам – в степь и окопаться!

– Откуда известно, Зверев? – машинально спросил Завьялов, и запоздало спохватился – вопрос-то был лишним. Серёжа, как никто другой, знал, что подчинённому до дембеля оставалось всего месяца полтора-два. И Зверев мог бы запросто отказаться от поездки на полигон, потому что меньше чем через пару недель выйдет приказ об увольнении. И по установившимся в бригаде неписаным правилам дедов в это время уже не привлекали к серьёзным мероприятиям, давая тем возможность основательно подготовиться к гражданке. Однако Зверев вызвался сам. Командиры одобрили, хорошо помня, что в прошлом году тот уже бывал на пусках здесь, в Капустином яре, на главном полигоне стран Варшавского договора.

– Той осенью мы с такими же пересекались. Только болгарами. Но их-то прибыла небольшая горстка. На площадке места всем хватило. А эти, глянь-ка, товарищ младший сержант, всё прут и прут. И хвоста не видно, – Зверев опять смачно сплюнул за окно: – Пропади они пропадом, фашистики недобитые!

– Зря ты так, Алексей! Они же вроде за нас...

– Посмотрим... Болгары, так те хоть славяне. Понаблюдал в тот раз, даже пообщались. Правда, они против нашего брата шибко раскормленные, какие-то увальни. Мы бегом бегали, а они в раскачку. И всё нам наклейки цветные, стаканчики сувенирные да запонки разные дарили, – Зверев, вспоминая, даже лицом посветлел: – Не скажу тока, как они отстрелялись – мы тогда раньше уехали. А с этими, даст бог, и не пересечёмся. У меня папка всю войну прошёл, всякое рассказывал... – Алексей вздохнул: – Если честно – не хочу видеть эти немецкие рожи!

– Много ты со степи-то разглядишь? Встретились – разъехались. Забудь.

– Поживём – увидим...

4

Благо что хоть полдня, осеннего, куцего, но было у солдат в запасе. Отъехали в степь на десяток километров, офицеры определили по карте место; и ракетчики прямо с марша, наскоро перекусив сухим пайком, принялись обживатьсь. До темноты успели вырыть на полметра вглубь квадратные остовы под жильё с врезанными земляными ступеньками у предполагаемого входа, укрепить стенки понизу дощатым каркасом и поверху натянуть двойные зимние палатки с откидной брезентовой же, по окоёму обитой дранкой дверцей.

Внутри сколотили сплошные нары из толстых досок; получили в хоззвезде матрасы, подушки, шерстяные одеяла, достали из кунгов шинели, а шапки-ушанки трогать повременили, погода еще позволяла ходить в пилотках. А вот печей, же-

лезных буржук в палатках ставить полковник не разрешил: «до снега, дескать, отстреляемся, ночи тёплые, да и вообще не забывайте: у вас летний и зимний комплект нижнего белья и портянок. Не замёрзнете».

Наутро комбат приказал Завьялову направить одного телефониста в распоряжение Дубова – тот пусть и был сейчас командиром всего их отряда, а замашки-то начальника политотдела никуда не делись: первоочередной задачей определил возведение полевого клуба, где бы ежедневно по обязательному часу проводились занятия по морально-политическому воспитанию ракетчиков, а по вечерам демонстрировались духоподъёмные фильмы. Как сообщил земляк-киномеханик Витя Кимасов, ленты преобладали старенькие, про революцию и Ленина в Октябре, снятые еще в 30-х и 40-х годах.

То, что к концу дня сварганили солдаты в пяти метрах за вытянувшимися в нитку палатками, назвать клубом вряд ли кто бы осмелился. Засмеяли бы. По семь длинных лавочек в два ряда под открытым небом, перед ними на вкопанных столбах натянуто сильно смахивающее на несвежую помятую простыню белое полотно. Позади лавочек полутораметровый деревянный постамент под кинопроектор с розеткой сбоку и подведённым от передвижной электростанции хромированным кабелем.

И потекли походные будни. По утрам после подъёма Серёже не раз вспоминался берег Капчагая. Прозрачная, в солнечных зайчиках и бликах прохладная вода. Освежающий ветерок с озера. Парень вздыхал и принимался сливать из фляжки на собранную блюдечком ладошку капли тёплой солоноватой влаги, чтобы умыть лицо. Происходило это обычно посреди обломанных стеблей сухой полыни и колючего татарника за дорогой от палатки.

Вероятнее всего, из-за хронического дефицита воды начальство не стало делать общего умывальника для ракетчиков. К примеру, в летние лагеря в раскалённых казахских сопках, куда дивизион обычно выезжал в июле, вода подвозилась без перебоев. И умывальник с рукомойниками на две стороны стоял в удобном месте под красновато-фиолетовыми скалами.

На третий день, в девять утра, когда Завьялов только построил отделение и уже готовился отдать команду шагать к машине – поработать на радиостанциях и проверить боеготовность вверенной техники, на весь лагерь пронзительно завыла сирена тревоги.

Через каких-нибудь семь минут колонна автомобилей во главе с установками пылила по безжизненной степи; а спустя еще полчаса две ракеты стояли вертикально на столах-плитах позади «Ураганов», готовые в любую секунду взмыть ввысь и, пролетев почти тысячу километров, поразить заданную цель. Боевые расчёты связистов, вычислителей, наводчиков, геодезистов-топографов – сослуживцы Завьялова на приличном расстоянии из укрытий наблюдали завершение своей слаженной и филигранной работы.

И так каждый день. Мало того, теперь ракетчиков поднимали по тревоге ещё и в потёмках – на ночные условные пуски. Словом, тренировались до седьмого пота, выкладывались по полной программе.

Прошла неделя. Ребята подобрались, похудели, лица обветрились. Каждый свои обязанности отработал до автоматизма. Все, как один, были нацелены, заточены на предстоящие боевые пуски. И на победу, за которой следовали кому отпуска, кому благодарственные письма на родину, кому внеочередные звания.

И наверняка не одному лишь Завьялову в минуты передышек думалось, что все они: и офицеры, и солдаты по результатам учений закрепят в своих душах еще и непередаваемое ощущение сопричастности чему-то большому и нужному, о котором настоящему мужчине можно только мечтать. И это был отнюдь не пафос, по крайней мере, для Серёжи. Просто это – пик, самая верхняя точка всей его двухгодичной службы. А иначе тогда зачем было в армию ходить?

Погода не баловала – сумрачное, клочковатое небо, пронизывающий ветер днём и пробирающий до костей холод ночью. Однако не это порождало глухой ропот у ракетчиков, а невозможность нормально помыться, поплескаться водички на лицо, освежиться, поскольку той цистерны, что привозили из военного городка, хватало лишь на кухонные нужды. Бойцов начал мучать невыносимый зуд. Сначала ребята старались чесать себя незаметно, но скоро многие расчесывали свои шеи, запястья и подмышки уже не стесняясь. Теперь в глазах у них можно было легко прочитать недоумение, обращённое к командиру: «Доколе?».

– Товарищи офицеры, сержанты и солдаты! – торжественно обратился к стоящим в строю на утреннем разводе ракетчикам полковник Дубов и, выдержав краткую паузу, пророкотал своим металлическим басом: – Сегодня в 14.00 помывка личного состава в бане военного городка! Командирам батарей согласовать порядок и последовательность. Об исполнении доложить!

Отделение связистов попало во второй рейс гарнизонного автобуса, перевозившего ракетчиков на площадку. Время было распределено так, чтобы этой же поездкой автобус забрал и увёз обратно в лагерь первую партию солдат, которые должны уже помыться. Но по въезду на плац у Завьялова со спутниками потемнели и вытянулись лица: на скамьях возле бани сидели их немые товарищи с простенькими сухими полотенцами в потресканных ладонях и ждали неизвестно чего.

– Немчики парятся, – зло процедил Усольцев на немой Серёжин вопрос. – Перед самым носом залезли, козлы. И в морду ведь не дашь – союзники!

– А нам-то теперь как – всем гуртом, что ли?.. – Серёжа с сомнением окинул толпу сослуживцев. – Боюсь, не поместимся...

– Да нет. Как и было, по порядку. Только вот вам подольше торчать придётся.

– На солнышке да в цивилизации – хоть до ночи!

И точно. Будто почуяв, как неуютно русским ракетчикам быть неприкаянными на своей же земле, выглянувшее наконец-то впервые за столько дней солнце щедро осыпало их своими лучами; пусть оно и грело не очень чтобы, однако пыталось обрадовать, обласкать скучившихся военных светом жизни. И ребята отходили, суровые, обветренные лица теплели, смягчались.

И когда входные двери в баню начали скрипеть и открываться, выпуская на крыльцо румяно-розовых и пухлых, как откормленные поросята, «дойчен золдатен», бойцы лишь мельком равнодушно глянули в их сторону, и первая партия с белыми вафельными полотенцами подмышкой гуськом потянулась вверх по ступенькам. Давешняя досада в лучах сентябрьского солнца как-то сама собой испарилась.

Серёжа поднялся со скамьи и прошёлся по плацу. В дальнем углу, рядом с крыльцом двухэтажной казармы, на тротуаре стояли трое рослых немецких парней. Одеты они были в тёплые синие спортивные трико с начёсом, на со-

гнутых локтях висели ворсистые цветные полотенца. У двоих чётко проступали небольшие животики.

Когда Серёжа проходил мимо и уже заворачивал, чтобы продолжить путь по периметру плаца, немецкие солдаты посмотрели в его сторону, заулыбались и приветливо помахали махровыми полотенцами:

– Гут, комарадо! Гут!

– И вам, ребята – не хворать! – бодро откликнулся Завьялов, а в голове почему-то не к месту проявилась чёрно-белая картинка, не раз виденная в документальных фильмах о Великой Отечественной войне. Лютая зима. Сталинград. Бесконечная вереница фашистских пленных. Жалкие, обмороженные лица закутаны в женские шали и платки, ноги замотаны тоже во что-то нарезанное и надёрганное из ватных фуфаяк.

И невольно подумалось:

– Те-то хоть до плена были настоящими воюками, а эти даже и с виду вон какие изнеженные...

Несмотря на то, что исподнее они оставили в предбаннике, и бойцы из хозяйственного тут же его утолкали в мешки и вынесли во двор, чтобы увезти в местную прачечную на прожарку и пропарку, а новая смена белья была необыкновенно чистой и немножко припахивала хлоркой, всё равно через два дня зуд вернулся. И навалился с новой силой и тоской. Гимнастёрки-то и шинели никто прожарить не додумался!

Серёжа ничего не мог сказать про офицеров: одолевала ли их та же напасть или нет. Те и квартировали отдельно, если можно так выразиться – более комфортно. В их двухместных палатках стояли железные кровати, а на песчаном полу находились миниатюрные походные печи, трубы которых коленом высовывались в окно и возвышались над крышами жестяными колпачками искрогасителей.

Вечерами, в свободную минутку Завьялов выбирался наружу и неслышным шагом шёл в ту сторону, откуда потягивало вкусным дымком. Печи топились дровами. Серёжа ноздрями глубоко вдыхал этот неедкий дым, и вспоминались парню таёжные походы с ночёвкой под разлапистыми кедрами. Невдалеке журчал горный ручей, в скалах протяжно кричала неведомая птица. А если отойти от костра и поднять глаза к небу, то столько звёзд гранёных и сверкающих увидеть можно, и они висят так низко, что, кажется – протяни руку и бери любую, только смотри – не обожгись.

Серёжа еще разок напоследок втягивал запах стелющегося вдоль дороги дымка, и тихонько, чтобы не разбудить спящих товарищей, возвращался в палатку.

По обыкновению и сны в такие ночи приходили к нему спокойные и непременно цветные. Даже те насекомые-кровососы – окопные вши, которых Серёжа нет-нет да и отлавливал на себе и с остервенением давил меж пальцев, после подобных прогулок надолго притихали.

Боевые стрельбы прошли на «отлично». Сказалась подготовка. Многие и не сразу поняли, что пуски будут не как уже привыкли – условные, а самые что ни на есть настоящие. Командованию-то наверняка всё было известно заранее, однако посвящать всех бойцов оно по каким-то своим соображениям не сочло нужным. И это, наверное, к лучшему.

Без лишнего мандража и нервотрёпки, в полной экипировке и с бесценной наработанной сноровкой выехали в заданный квадрат, развернулись, Завьялов со связистами установил телефонную и радиосвязь, геодезисты определили координаты пуска, вычислители просчитали направление, наводчики навели на цель. Полковник Дубов по рации дал команду начальнику пуска. И – трёхступенчатая боевая оперативно-тактическая твёрдотопливная ракета взмыла ввысь.

Ошарашенные бойцы, и Завьялов в их числе, разинув рты, наблюдали издали из окопов сюрреалистическую картину отрыва вертикально стоящей ракеты от столасплиты. Земля затряслась, прокатился гул, вокруг установки вмиг выросла округлая и высокая чалма пыли. Из этой чалмы косо вверх подпрыгнул продолговатый, с восемью колёсами по каждому боку, многотонный корпус тягача «Урагана», а ракета с огненным хвостом на долю секунды замерла и резко пошла вверх.

Тягач упал на все свои шестнадцать широких колёс, по инерции пару раз подпрыгнул на полметра и успокоился. А ракета набрала определённую высоту и, оставляя прозрачно-белый след колечками, полетела к заданной цели. Вскоре от неё отделилась первая ступень и горящим факелом устремилась вниз. Специальная команда солдат во главе с прапорщиком Коряковцевым на ГАЗ-66 мигом умчалась в степь на поиски этой ступени.

А вот к ночным стрельбам готовились по-другому. После полудня полковник Дубов построил сводный дивизион и своим громовым голосом объявил:

– Слушай мою команду! В предстоящую полночь быть готовым к боевым пускам! Поэтому отбой сегодня на час раньше, – Дубов помолчал и неожиданно потеплевшим голосом закончил: – Я знаю, вы все на пределе, но обращаюсь к вам: не подведите, братцы! Кто, если не мы?

5

Обратный путь домой в часть пришлось ехать уже не в пассажирских, а в «стольпинских», проще сказать – товарных вагонах. Офицерам был предоставлен отдельный полувагон. Похожие часто можно встретить в составах ремонтных поездов: одна половина жилая, а вторая отдана под разный инвентарь железнодорожников. В товарных же вагонах по обеим сторонам наскоро были оборудованы двухъярусные нары, и сами помещения эти снабжены печами с металлическими трубами, выходящими в оконца под потолком.

Однако топить от души солдаты воздерживались. В вагонах было прохладно, а по ночам порой и просто холодно, но никто не роптал, потому что бойцы знали: в тепле и относительном покое окопные вши размножались бы намного активнее и были бы на порядок злее.

Но, как известно – всё когда-нибудь кончается. И вот уже колонна ракетчиков медленно въезжает на территорию автопарка, и машины рассредоточиваются по своим стоянкам в гаражах. Бойцов строем ведут в баню. На входе в просторный предбанник прапорщички из хоззвода приказывают вытащить из карманов гимнастёрки военные и комсомольские билеты и собирают их. Всю одежду сортируют – шинели, ХБ, пилотки, кирзовые сапоги отправляют на прожарку, а двойное нижнее бельё и портянки – на пропарку и в прачечную.

Ох и парились же в тот благословенный день ракетчики! Не один веник измочалили до прутьев. Из помывочной их вывели через другую дверь в запасное помещение, где вернули прожаренные вещи и документы. Срочник-банщик охотно

пояснил, что «дескать, в предбаннике теперь мужики в ОЗК и противогазах всё обрабатывают после вас. И завтра с утра тоже будут на второй раз... Так что туда пока только в химзащите можно попасть».

Тускло поблескивало среднеазиатское солнце, на сером асфальте отсвечивали белые полосы разметок. Прибывшие, помытые и посвежевшие ракетчики замерли по команде «смирно» в строю, когда со стороны штаба на плац вышел комбриг Мартиросов с группой офицеров. Старательно пытаясь чеканить шаг, к нему навстречу направился полковник Дубов. Не доходя двух метров, остановился, чётко приставил ногу:

– Товарищ комбриг! Сводный дивизион после успешного выполнения боевых пусков на полигоне Капустин Яр без потерь и происшествий вернулся в часть! – басом доложил начальник политотдела бригады и занял место среди штабных офицеров.

Комбриг сделал шаг вперёд:

– Всему личному составу объявляю благодарность! Молодцы, ракетчики! Не подвели!

– Служим Советскому Союзу!

– Вольно! – скомандовал полковник Мартиросов. И с теплотой в голосе по-отечески обратился к строю: – Есть, бойцы, какие просьбы, пожелания? Говорите...

И тут произошло такое, чего командование наверняка не ожидало. Ракетчики в сто двадцать молодых глоток громко и единодушно выкрикнули:

– В баню еще хотим!

Мартиросов погасил улыбку и обратился к стоящему рядом заместителю по хозяйности майору Ботнарю:

– Жар остался?

– Так точно, товарищ комбриг!

– Дивизион напра-а-во! В баню шагом марш!

6

Молодость, ты как времени замок:

И захочешь – не взломаешь, чтоб взглянуть еще разок!..

Будоража память, звучали последние аккорды пронзительной песни группы «Рождество». Сергей Алексеевич Завьялов опустил ладонь в боковой карман пиджака и щёлкнул, выключая плеер. Затем вынул из ушей миниатюрные наушники-капельки, смотал провода и сунул их в тот же карман. После этого повернул седую голову и посмотрел в иллюминатор.

Их самолёт заходил на посадку в международном аэропорту южной столицы Республики Казахстан, и уже видны были белоснежные вершины Заилийского Алатау, а у подножия хорошо просматривались высотные кварталы с растекающимися от них в пологие лощины зелёными волнами садов, из которых там и сям выглядывали стены и крыши причудливых коттеджей.

Сорок лет миновало с той поры, когда Серёжа наблюдал эти горы и Алма-Ату из окон воинского состава. Он и подумать не мог, что когда-нибудь еще хоть разок, правда, уже с борта Боинга доведётся любоваться этими впечатляющими пейзажами.

Всему виной вездесущий интернет. Завьялов улыбнулся. Как-то же отыскал его в пучине этой всемирной паутины армейский дружок ефрейтор Усольцев. Списались. Тот пригласил к себе в Талды-Курган. Сергей недавно вышел на пенсию. А почему бы и не махнуть в места достопамятной службы и невозвратной молодости?

– А ты, сержант, не изменился, только вот малость побелел, – долговязый детина с вислыми седыми усами оторвал от себя Завьялова, чтобы лучше рассмотреть бывшего сослуживца. Смерил ревнивым взглядом и ласково прищурился: – А я, видишь, растолстел вдвое. В армии весил семьдесят, теперь – сто тридцать! Жена говорит: в коня корм...

– Оно и ладно. Хорошего, Виталий, должно быть много, – Сергей Алексеевич высвободил ладонь из толстой лапы друга и огляделся. Зал прилёта был разгорожен будками с сидящими там черноглазыми офицерами таможенной и пограничной служб. Только что в оконце одной из них Сергея сфотографировали, проверили паспорт и поставили печать на миграционном листке. Завьялов подавил горькую усмешку. Заграница, твою мать. Так называемое ближнее зарубежье...

Поплутав по городу, вырвались на широкую ленту шоссе, вдоль которого попадались подзабытые Завьяловым одиночные пирамидальные тополя, чуть поодаль мелькали яблони-дички, воздушные сливовые и черешневые кусты, другие фруктовые деревца. Усольцев едва ли не одним пальцем уверенно вёл свою «Ниву» – дорога была гладкая и ухоженная.

Сергей повернулся к другу:

– Представляешь, Виталя, сижу однажды, году этак в девяностом, у телевизора, слушаю все эти говорящие головы, и вдруг пошёл сюжет. Выплыла точно, как эта, степь, только пожухлая, осенняя, – Завьялов махнул рукой за опущенное окно. – Ну, помнишь, примерно в такую же пору мы уезжали в Капустин Яр на стрельбы? Потом на экране проступили сопки, мне показалось, что две-три из них я даже и узнал. Но это-то ладно, ничего. Слушай, что дальше было. Показывают крупным планом заасфальтированную площадку перед ангарами, посреди свалены в громадную кучу ракеты нашего комплекса, трёхступенчатые, тёмно-зелёные, в маркировке и с аккуратными боеголовками. И на нескольких из них белилами жирно намазано издевательское: «Сары-Озек – прощай!!!» Представляешь, не поленились сволочи, не пожалели целых три восклицательных знака. Грёбаная конверсия. Переделать ракеты – в кастрюли! Эти собаки, как же они тогда старались выстелиться, лечь под Штаты – смотреть было мерзко. Угробили наших красавиц. Так стало обидно, что к вечеру я крепко набрался, хотя ты же помнишь, как я к спиртному отношусь – так себе, что оно есть, что нет...

– А хочешь, Серёжа – в часть заедем?

– А получится?..

– Дорога же мимо.

– Ну, как я помню: не совсем уж мимо – надо сворачивать в скалы и пылить километров пятнадцать по сопкам. Там сейчас-то хоть что?

– Сам увидишь.

К полудню свернули с республиканской трассы и по разбитой бетонке затряслись в сопки. Завьялов высунул правое плечо и голову в боковое окно. И хотя встречный ветерок слегка освежал, но всё равно палило нещадно. Сергей давно отвык от такого солнца.

Вспомнилось, как в начале ноября вернулся он в родной алтайский посёлок из армии. Горы уже серебрились в снежных сугробах и перемётах. Морозец. На улице на замёрзшей, твёрдой, как камень, земле толстый налёт инея, ледок в лужицах под ногами хрустит. У родни лица румяные, светлые. Летний загар давно уже с них сошёл, а у похожего на негра Серёжи только поблескивают зелёные глаза да при улыбке сверкает белизной ровный ряд зубов. В тот раз с загаром парень расстался лишь к Новому году. Однако долго еще ему мнилось, что во рту нет-нет да и скрипят песчинки оставленной пустыни. И он с досадой сплёвывал себе под ноги.

По вырубленной в скалах дороге «Нива» без особого труда преодолела последний затяжной подъём, и – вот оно, как на ладони, расположение их ракетной бригады. Но что это? Внизу, в ложине, изрезанной по краям суглинистыми оврагами, на месте бывшего оазиса из пирамидальных тополей, пружинистого ивняка и колючего карагача по периметру – в их прохладной тени когда-то были надёжно укрыты штаб, столовая, баня, казармы и другие постройки – одни лишь руины.

На плацу огромная отара овец. Два чабана верхом на низеньких лошадках пытаются согнать животных в овраг, на широком и продольном дне которого в годы службы друзей располагался летний клуб с просторной сценой, большим экраном и добротными лавками не меньше чем на пятьсот мест. Сейчас же там, среди песчаных проплешин, кое-где виднелись только редкие щетинки тростника да серо-зелёные коврики травы.

– За что боролись – на то и напоролись, – растерянно пробормотал первое пришедшее на ум Завьялов и так же в рифму невесело скаламбурил: – Это ли не дикошаро: где был дом – теперь кошара!

– Да не теперь, Серёжа, а сразу после развала Союза. Помнишь, по ночам в самоволку бегали за водкой к чабанам за десять кэмэ? – Усольцев усмехнулся. – Я тогда еще им впарил старенький комплект химзащиты ОЗК за три пузыря беленькой. Ребята потом долго хохотали, когда кому-нибудь из них попадался в окрестных сопках по осени или в дождь чабан на лошадке, наряженный по всем правилам на случай атомной войны. Сроду ведь не промочит! Пеняли только: «почто, мол, ты, Виталя, не снабдил казаха еще и противогазом? Небось, себе зажилил». Так вот они-то вскоре после развала и перебрались сюда. Деревья мигом попилили на дрова, доски с крыш и стропила с казарм тоже. Кирпич разобрали на свои мазары. Вон видишь, могилки ихние на нашем стрельбище, у дальней сопки.

– А я, Виталя, да и ты, наверное, тоже, – негромко обронил Завьялов, – впервые здесь у вычислителей увидел настоящую ЭВМ – бабушку всех теперешних компьютеров, теодолиты, буссоли. А какие у нас радиостанции были? Особенно одна, работавшая в засекреченном режиме. Её позывные звучали волнами, как мелодия из какого-нибудь фильма про фантастику. Как же я любил слушать всё это, будто погружался в детскую волшебную сказку...

– Что ты хочешь? Зря, что ли, нас щитом Родины называли, – серьёзно ответил Усольцев. Помолчал и, неожиданно ухмыльнувшись, продолжил: – А теперь вот и стала твоя сказка корявой билью. Как говорится: сопка наша, сопка – ваша! Вперёд – назад к средневековью.

– Зато – какой колорит! Ладно, проведали, и слава Богу, – Сергей Алексеевич окинул грустными глазами застрявшую неведомо в каком времени окрестность и вздохнул: – Даже сердце кольнуло. Как тут не вспомнить наставления одного советского поэта: «Никогда не возвращайся в старые места...».

– Ты еще, Серёжа, расплачься тут, – иронично поддел армейского друга Усольцев и усмехнулся: – Ньюни сейчас само то: вдруг да и полегчает. Давай, поехали уже, пока обед у Татьяны не прокис.

Размякшее от жары шоссе поблескивало и серпантином огибало давно выгоревшие на солнце лысые холмы, ныряло в долины со спрятавшимися в складках предгорий пышными зарослями местных, как правило, чрезвычайно колючих кустарников. На горизонте показались плавающие в душном мареве два огромных скалистых утёса с ровными площадками на вершинах, живо напоминающие гигантские ворота во что-то неведомое и манящее.

– Проедем через них, – Усольцев небрежно указал на утёсы, – и считай дома, в Талдыке. Смотри, Серёжа, вон тот левый, который повыше и более пологий... Его зовут вершиной Тамерлана. Рассказывают, что этот хромой завоеватель взбирался туда верхом на коне и оттуда намечал, кого идти покорять и грабить. Такая вот у нас местная достопримечательность.

Завьялов вполуха слушал друга и смотрел вперёд на дорогу. Грусть таяла, как те километры, что стремительно уходили под колёса «Нивы», настроение вновь возвращалось в привычное и спокойное русло, как это всегда случалось у Сергея Алексеевича, человека пожившего и кое-чего повидавшего на этом свете. Перед тем как окончательно вернуть себя в действительность, ему неожиданно пришло на ум философски-примирительное:

– И где теперь великий этот хромец Тамерлан?.. Наверное, там же, где и наша славная ракетная бригада...

Завьялов раздумчиво покивал своим мыслям и переключился на другое. Как только появится возможность и станет доступной сотовая связь, надо будет обязательно позвонить Валентине. Поделиться впечатлениями и непременно сообщить, что встретили его не только тепло, но и просто замечательно.

В ноябре 2021 года отмечают:

70-летие

Сауытбек АБДРАХМАНОВ, *критик, литературовед*

Мереке КУЛКЕНОВ, *прозаик*

Сламхат СЕИТХАМЗА, *поэт*

Любовь ШАШКОВА, *поэт*

60-летие

Гульсамал АЙМАХАНОВА, *поэт*

Тумартай ДИНТАЙУЛЫ, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

